

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХV:

1898.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ“ и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	59
Ю. В. Кулаковскій. Къ исторіи готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ	173
С. Кульбакинъ. Святославовъ сборникъ 1076 года въ послѣднемъ изданіи	203
Г. В. Форстенъ. Свѣщенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка (1648—1700)	210
А. С. Вязининъ. Темная пора въ жизни Гильдебранда	278
В. М. Истрипъ. Къ вопросу о „Снѣ царя Іоаса“	300
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
Д. К. Петровъ. Schopenhauers Aesthetik und ihr Verhaeltniss zu den Aesthetischen Lehren Kants und Schellings von Dr. Eduard von Mayer. Halle 1896	310
В. В. Качановскій. M. Srećel. O Gundulićevim „Suzëma sina razmetnoga“ (R. d. Jugoslav. Akad. mije 1896 kn. CXXXVII)	311
В. К. Geschichte der Germanisirung des Herzogthums Pommern oder Slaven bis zum Ablauf des XIII Jahrhunderts. Von W. v. Sommerfeld (Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen. Herausgegeben von Gustav Schmoller. Band XIII. Heft 5) 1897 Leipzig. Dunker et Humblot	316
Н. Н. Платонова. Николай Сперанскій. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Возникновеніе народной школы. Стрѣи западно-европейскаго образованія въ средніе вѣка. Съ приложеніемъ автобіографіи О. Платтера. Москва. 1896	319
Л. Ю. Шепелевичъ. Новыя данныя о Сервантесѣ	324
І. Э. Мандельштамъ. Садко Вейнемейненъ	328
— Книжныя новости	338
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ)	27
СОВРЕМЕННАЯ ЛЭТОНІЯ.	
— Императорская Академія Наукъ въ 1897 году	91
В. А. Туряевъ. Египтологія на XI международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Парижѣ	119
Е. Н. Щепкинъ. Постановка преподаванія всеобщей исторіи въ Виеномъ университетѣ	128
— Наши учебныя заведенія: Народное образованіе въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ 1896 году	138
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
А. В. Никитскій. Дельфійскіе Лавіады	81
С. А. Жебелевъ. Агафокъ полномочный стратигъ	90

О ВЪЯВЛЕНІЯХЪ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.
(Вышла 1-го февраля)

ТЕМНАЯ ПОРА ВЪ ЖИЗНИ ГИЛЬДЕБРАНДА.

Несмотря на огромную важность изученія обстоятельствъ и среды, оказавшихъ могущественное вліяніе на образованіе возрѣвній выдающихся историческихъ дѣятелей въ ихъ молодые годы, начальная пора жизни многихъ изъ нихъ остается мало освѣщенной, такъ какъ вниманіе изслѣдователей обыкновенно привлекаетъ время ихъ славы, силы и блеска, возбуждающее наибольшій интересъ и въ современникахъ. Вотъ почему образуются крупныя пробѣлы, возникаютъ значительныя неточности и погрѣшности тѣмъ болѣе, что слишкомъ часто преклоненіе передъ достигнутымъ величіемъ кладетъ рѣзкій отпечатокъ на сужденія о роли и значеніи „героевъ“ уже въ самомъ началѣ ихъ поприща: крайне трудно отрѣшиться отъ представленій, возникшихъ путемъ перенесенія чертъ, присущихъ одной порѣ, въ болѣе раннюю. Такимъ образомъ, при изученіи первыхъ шаговъ великихъ людей изслѣдователю приходится бороться съ недостаточностью матеріала и пристрастіемъ свидѣтелей, что и рождаетъ порою удивительное разнообразіе мнѣній, какъ показываетъ, между прочимъ, примѣръ Гильдебранда, до сихъ поръ не нашедшаго общепризнанной оцѣнки: обстоятельства его жизни до возвышенія на папскій престолъ и его отношенія къ представителямъ различныхъ общественныхъ теченій времени все еще нельзя признать достаточно выясненными.

Къ сожалѣнію, въ иныхъ случаяхъ на историкѣ лежитъ печальная необходимость сознаться въ невозможности дать точное и определенное рѣшеніе возникающихъ вопросовъ. Такъ наши источники хранятъ глубокое молчаніе о годѣ рожденія будущаго Григорія VII и даже не даютъ основаній для сколько-нибудь прочныхъ предположеній, самая многочисленность которыхъ указываетъ на ихъ шаткость и недоказанность. Если Болландисты и Гизебрехтъ останавливаются

на 1020 г., то Гфререръ полагаетъ, что Гильдебрандъ родился въ 1002 г., Яффе указываетъ на 1013—1024 гг., а новѣйшій изслѣдователь Мартенсъ склоняется въ пользу 1025 г. Почти всѣ эти догадки стараются объяснить вліятельное положеніе Гильдебранда уже при Григоріѣ VI зрѣлостью его возраста, то-есть отыскиваютъ неизвѣстное при помощи неустановленной величины. Нельзя не замѣтить, что терминологія, унаслѣдованная средневѣковой латынью отъ классической древности, ставитъ очень широкія рамки понятіямъ, связаннымъ со словами „puer“, „adolescens“, „infans“: по каноническому праву „pueritia“ простиралась даже до 25-лѣтняго возраста¹⁾; двадцатидвухлѣтній Филиппъ I считается „intra adolescentiae annos“; тогда какъ „adolescentia“ доходитъ до 30 года²⁾; уставъ св. Бенедикта говоритъ: „pueri parvi vel *adulescentes*... custodiam habeant et disciplinam usque dum ad *intelligibilem* aetatem perveniant“³⁾. Памятники употребляютъ „infans“ примѣнительно къ мальчикамъ до 15 лѣтъ⁴⁾. Вотъ почему сообщенія Григорія о своей „infantia“, равно какъ свидѣтельства памятниковъ объ его „pueritia“ нѣтъ никакой возможности приурочить къ опредѣленному, болѣе или менѣе тѣсному промежутку времени.

Наши источники оставляютъ до извѣстной степени открытымъ и вопросъ о мѣстѣ рожденія Гильдебранда и его происхожденія, давая, повидимому, исключаютія другъ друга показанія: житія Григорія, написанныя въ болѣе позднее время, называютъ его „natione Tuscus“ и его родиной („patria“) мѣстечко „Ровакъ“ въ окрестностяхъ Саоны, тогда какъ Гуго Флавиній, младшій современникъ великаго папы, прямо говоритъ, что „Григорій VII родился въ Римѣ отъ римскихъ гражданъ“⁵⁾. Последнее свидѣтельство обыкновенно отбрасываютъ⁶⁾, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что Гильдебрандъ появился на свѣтъ въ вѣчномъ городѣ, а мѣстечко „Ровакъ“, какъ мѣстопробываніе его отца, считалось его „родиной“: всѣмъ извѣстно, что Спаситель, рожденный въ Вифлѣмѣ, считался нѣкоторыми происходящимъ изъ Назарета. Во всякомъ случаѣ у Гильдебранда были

¹⁾ Decretum magistri Gratiani. Pars I div. 77 c. 7, p. 273; ср. *Ducange* T. IV, p. 352.

²⁾ *Ducange* T. I p. 88.

³⁾ *Wolfflin*, Benedicti regula cap. 63 p. 62. Ср. cap. 80 p. 36 и 39 p. 42.

⁴⁾ Benedicti regula cap. 70 p. 67; *Ducange* T. IV p. 352.

⁵⁾ Lib. II, p. 422.

⁶⁾ *Martens* B. I, p. 13, *Delarc* T. I, p. 394.

тѣсныя связи съ Римомъ: его мать была „suburbana“, жительницей предмѣстій Рима ¹⁾); дядя его по матери былъ аббатомъ монастыря св. Маріи на Авентинскомъ холмѣ ²⁾ и принадлежалъ къ римской знати ³⁾); племянникъ или двоюродный братъ (перос) „сидѣлъ“ въ одномъ изъ укрѣпленнѣйшихъ замковъ Рима ⁴⁾). За то отецъ Гильдебранда принадлежалъ къ числу лицъ, добывающихъ себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ: одни источники считаютъ его „козопасомъ“ ⁵⁾, другіе плотникомъ ⁶⁾); третьи называютъ Гильдебранда „сыномъ народа“ ⁷⁾); четвертые ограничиваются упоминаніемъ о „despicabilis parentelaе“ „презрѣнной роднѣ“ неустрашимого борца за преобразование ⁸⁾). Слѣдовательно, показанія болѣе близкихъ по времени писателей совершенно устраняютъ позднѣйшія домыслы ⁹⁾, имѣющіи поборниковъ и въ наше время ¹⁰⁾). Безъ всякихъ основаній, руководимые ложнымъ стремленіемъ возвеличить своего героя ревностные католики утверждаютъ, будто Гильдебрандъ происходилъ отъ саонскихъ графовъ „Альдобрандесковъ“, потомковъ Карла Великаго, предковъ по женской линіи Сфорцы и Орсини. Эта чрезвычайно сомнительная генеалогія поддерживается ссылкой на существованіе въ концѣ X вѣка графа саонскаго и маркграфа Тосканскаго Гильдебранда. Но сходство именъ, конечно, ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ „Гильдебрандъ“ не фамильное прозваніе, а имя, полученное при крещеніи ¹¹⁾). Сверхъ того, Болландисты указываютъ на обычай подвластныхъ давать своимъ дѣтямъ имена господъ ¹²⁾). Стало быть, мнѣніе о графскомъ происхожденіи Григорія VII необходимо устранить совершенно, хотя оно заслуживаетъ упоминанія, какъ яркое

¹⁾ *Benzonis Lib. VI c. 2, p. 660.*

²⁾ *Pauli Bernriedensis c. 9, p. 477.*

³⁾ *nobilis vir* по грамотѣ 1035 г. *Greoving, p. 18.*

⁴⁾ *Vita Gregorii, p. 307.*

⁵⁾ *Benzonis Lib. VI c. 2, p. 660.*

⁶⁾ *Annalista Saxo 701—702.*

⁷⁾ *Walonis, p. 740.*

⁸⁾ *Willelmi Malmesburiensis, Gesta regum Anglorum Lib. III c. 10, § 263, p. 1244.*

⁹⁾ Опровергаемый еще Болландистамъ, § V, с. 36, p. 224—5.

¹⁰⁾ *Galiffe-Pictet, Lettres sur l'histoire du moyen âge. Lettre XV, 5. Genève 1839. G. Rondoni, Della vera origine di Gregorio VII. Rivista storica italiana 1885 p. 336—348.*

¹¹⁾ *Pauli c. 1, p. 474: „Hiltebrandi sortitus est in baptismo vocabulum“.*

¹²⁾ p. 225.

выраженіе сословныхъ и вѣроисповѣдныхъ предрасудковъ даже у современныхъ историковъ. Несомнѣнно, что люди, близко знавшіе Григорія, напр. Вало, аббатъ монастыря св. Арнульфа, и Гуго Ключійскій, смотрѣли на него, какъ на человѣка незнатнаго. Въ самомъ характерѣ великаго папы замѣчаются черты, присущія людямъ, поднявшимся выше своего происхожденія: онъ былъ грубъ, рѣзокъ и высокомеренъ съ знатными; обнаруживалъ заносчивость, отсутствіе выдержки, склонность показывать свою силу, не стѣсняясь въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей, и крайнюю небрежливость въ сношеніяхъ съ разными темными, но нужными проходивцами. Эти качества, конечно, нельзя приписывать вліянію родителей Гильдебранда, о которыхъ наши памятники не даютъ никакихъ сколько-нибудь цѣнныхъ указаній, такъ что нѣтъ никакой возможности говорить о „наслѣдственныхъ“ чертахъ въ его характерѣ. Повидному, это вліяніе было совершенно ничтожнымъ, такъ какъ самъ Григорій ни единымъ словомъ не упоминаетъ о своихъ родителяхъ; вѣроятное же объясненіе этого молчанія даетъ раннее вступленіе въ монастырь малолѣтняго Гильдебранда, жизнеописатель котораго, Павелъ Вернридь, сообщаетъ ¹⁾, что родители будущаго папы отдали (commendare) его „in pueritia ejus“ дядѣ, аббату монастыря пресвятой Богородицы Маріи на Авентинскомъ холмѣ „для упражненія въ свободныхъ наукахъ и для приобрѣтенія нравственной выдержки“. Значеніе этого извѣстія недостаточно оцѣнено предшествующими изслѣдователями, тогда какъ оно оказываетъ самую существенную помощь для раскрытія особенностей послѣдующей судьбы Гильдебранда. Дѣло въ томъ, что еще уставъ св. Бенедикта Нурсійскаго говоритъ о „filiis nobilium aut pauperum qui offeruntur“ ²⁾. Сыновья знатныхъ и бѣдныхъ поступали въ монастырь, приносимые родителями, которые за нихъ принимали и обязательства покорности уставу: „monachum aut paterna devotio, aut propria professio facit“ гласитъ соборное постановленіе, приводимое Бурхардомъ Вормскимъ въ его сборникѣ ³⁾. Въ силу родительскихъ обѣтовъ дѣти (pueri oblati) не имѣли уже права покинуть обитель, не навлекая на себя упрековъ въ отступничествѣ. Они носили уже частью монашеское одѣяніе, напимѣръ въ Ключни „кукуль“, хотя окончательное принятіе иночества отлагалось до „за-

¹⁾ с. 9, р. 477.

²⁾ Regula Benedicti с. 59, р. 58.

³⁾ Lib. VIII, с. 6, р. 793.

коннаго возраста⁴⁾, то-есть не совершалось ранѣе 15 лѣтъ¹⁾). Не только родители и опекуны, но и монахи могли произносить обѣты за малютокъ, добровольно вступившихъ въ обитель²⁾). Формулы этихъ обѣтовъ раскрываютъ побужденія, заставлявшія отдавать дѣтей въ монастыря: это были заботы „о спасеніи и искупленіи души не только отдаваемого ребенка, но и души его родителей, братьевъ и сестеръ, всѣхъ родныхъ, живыхъ и мертвыхъ“. Развитіе аскетизма въ X—XI вѣкахъ возстановило въ полной силѣ строгія требованія уставовъ къ такимъ „вѣренными отрокамъ“ и распространило обычай приношенія повсемѣстно на Западѣ: въ набожномъ порывѣ родители отдавали не только малютокъ въ колыбели³⁾, но и еще нерожденныхъ дѣтей⁴⁾. Всѣмъ такимъ своего рода искупительнымъ жертвамъ былъ отрѣзанъ возвратъ въ міръ, какъ показываютъ дѣйствовавшіе въ это время уставы и „обычаи“: Бурхардъ приводитъ постановленіе толедскаго собора, каравшее отлученіемъ такихъ невольныхъ иноковъ за попытку надѣть мірское платье⁵⁾; съ того дня, когда за нихъ былъ произнесенъ обѣтъ, они не могли уже „стряхнуть съ своей выи иго устава“⁶⁾. Такого же воззрѣнія придерживаются Петръ Даміани⁷⁾, Ланфранкъ⁸⁾ и Ансельмъ Лодійскій⁹⁾. Иноки, съ дѣтства воспитанные сообразно монастырскимъ уставамъ, носятъ названіе „nutriti“ и пользуются предпочтеніемъ передъ вступившими въ обитель въ болѣе зрѣломъ возрастѣ („conversi“): такъ бібліотекаремъ могъ быть только „nutritus“¹⁰⁾.

Если обратиться къ немногимъ, отрывочнымъ даннымъ, случайно оброненнымъ Григоріемъ VII въ своихъ письмахъ, то окажется, что показанія великаго папы какъ нельзя болѣе поддерживаютъ свидѣтельство Павла Бернрида: Гильдебрандъ былъ отданъ въ обитель св. Маріи на Авентинскомъ холмѣ, принявшую клюнійскій уставъ при

¹⁾ *Consuetudo Cluniacensis* Lib. III, c. 8, p. 742.

²⁾ *Disciplina Farfensis* Lib. II, c. 17, p. 1264—5. *Consuetudo Cluniacensis*. Lib. III, c. 8, p. 742.

³⁾ *Du Cange*. T. VI, p. 9.

⁴⁾ *Anselmi* c. 29, p. 205.

⁵⁾ Lib. VIII. c. 1, p. 791,—792.

⁶⁾ *Disciplina Farfensis* Lib. II, c. 17, p. 1265. *Consuetudo Cluniacensis*. Lib. III, c. 8, p. 742.

⁷⁾ Op. 16 c. 5, p. 371—373; c. 9, p. 378.

⁸⁾ *Lanfranci Ep.* № 32, p. 531—532.

⁹⁾ *Anselmi Ladunensis sententiae excerptae* p. 31—32, c. 17.

¹⁰⁾ *Consuetudo Cluniacensis* Lib. III, c. 10, p. 748—749.

самомъ своемъ основаніи, такъ какъ „князь Римскій“, Альберикъ, подарилъ Оддону Ключійскому свой дворецъ на Авентинѣ для устройства обители ¹⁾, которая и находилась въ постоянной связи съ Ключью ²⁾. По ключійскимъ „обычаямъ“ при произнесеніи обѣта за вступающаго въ монастырь ребенка иннокъ говорилъ, между прочимъ, „offero Deo et sanctis ejus apostolicis Petro et Paulo hunc puerum“, такъ что малютка считался какъ бы дѣтищемъ апостола Петра, которому всегда отдавали въ Ключью особое предпочтеніе. Какъ отданный родителями „puer oblatus“, Гильдебрандъ молчитъ о нихъ и постоянно называетъ св. Петра „своимъ кормильцемъ“: „князь апостоловъ съ малолѣтства вскормилъ меня (nutrivit) подъ своими крылами и взростилъ меня въ лонѣ своей милости“ ³⁾, гласитъ одно изъ писемъ Григорія VII. Въ другомъ мѣстѣ папа говоритъ, что его „отъ юности (a puero) сладостно вскормилъ (nutriegerat) св. Петръ“. Наконецъ, въ высокотожественную минуту своей жизни, произнося отлученіе надъ Генрихомъ IV, Григорій взываетъ къ „князю апостоловъ, блаженному Петру“ и проситъ его „услышать раба своего, вскормленнаго имъ съ малолѣтства“ ⁴⁾. Самое употребленіе во всѣхъ трехъ случаяхъ глагола „nutrige“ въ высшей степени знаменательно, такъ какъ онъ имѣетъ, какъ извѣстно, значеніе термина. Другими словами, самъ Григорій причисляетъ себя къ „nutriti“, то-есть, къ „pueri oblati“. Вотъ почему онъ имѣетъ полное основаніе сказать „non libenter ad sacrum ordinem accessi“: монастырскіе обѣты были произнесены за него и его участь была опредѣлена поступкомъ его родителей. Правда, новѣйшій изслѣдователь склоненъ понимать подъ „ordo sacer“ лишь „діаконовъ, священниковъ и епископовъ“, утверждая, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о полученіи Григоріемъ сана субдіакона при Львѣ IX ⁵⁾. Но такое толкованіе разрываетъ хронологическую послѣдовательность бѣглаго обзора пережитыхъ Григоріемъ выдающихся превратностей. Кроме того „ordo sacer“ означаетъ въ подобномъ сочетаніи „монашескій чинъ“, какъ показываетъ памятникъ: „Esoro vocabulum cuidam puerulo fuit, qui, cum vix quinque annorum infantiam contigisset, sancto ordini a parentibus est mancipatus“. Наконецъ, нѣтъ

¹⁾ *Hugonis, Historiae Faraenses*, c. 7, p. 536.

²⁾ *Vita s. Odilonis Lib. II*, c. 9, p. 923.

³⁾ *R. I* № 39, p. 58.

⁴⁾ „*Quem ab infantia nutristi.*“ *R. III* № 10 a, p. 224.

⁵⁾ *Martens, B. II*, p. 270.

никакихъ указаній. что Гильдебрандъ „неохотно“ принялъ санъ субдіакона. Итакъ, съ полнымъ правомъ можно признать показаніе Павла Бернрида достовѣрнымъ и скрѣпленнымъ самимъ Григоріемъ ¹⁾).

Это заключеніе имѣетъ особое значеніе при оцѣнкѣ породившаго цѣлую литературу мнѣнія Мартенса, отрицающаго принадлежность Григорія VII къ сонму монаховъ. Само собою понятно, разъ онъ былъ „*pater oblatus*“, то нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ его монашествѣ, бывшемъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ родительскихъ обѣтовъ ²⁾). Вообще, стремленіе Мартенса придать другой смыслъ прямымъ и опредѣленнымъ свидѣтельствамъ источниковъ повлекло за собой только рядъ вопіющихъ нарушеній самыхъ основныхъ требованій исторической критики ³⁾). Недовольствуясь шумомъ, вызваннымъ его брошюрой „*Was Gregor VII Mönch?*“ ⁴⁾ и обширнымъ „экскурсомъ“ въ приложеніи ко второму тому „*Gregor VII, sein Leben und Wirken*“ ⁵⁾), нѣмецкій ученый еще разъ пытается отстоять свою излюбленную мысль и помѣщаетъ сводъ своихъ доводовъ въ особой статьѣ: „*Gregor VII war nicht Mönch*“ ⁶⁾), которая заканчивается такимъ выводомъ: „разъ мы хотимъ избѣжать чудовищныхъ несообразностей, намъ остается только одинъ исходъ — принять добытый мною результатъ“ (стр. 282). Но въ той же книжкѣ помѣщена статья проф. Граурта „*Hildebrand ein Ordenskardinal*“, гдѣ устраняются мнимыя „несообразности“, выдвигаемыя Мартенсомъ. Нѣтъ никакой необходимости останавливаться на подробномъ опроверженіи доводовъ нѣмецкаго ученаго, такъ какъ несостоятельность его основной мысли ясна и безъ тѣхъ усилій. какія дѣлаютъ его оппоненты: они упускаютъ изъ виду прямое свидѣтельство самого Григорія, приведенное выше. За Мартенсомъ нельзя даже признать сомнительной чести перваго возбужденія даннаго вопроса, такъ какъ еще Болландисты отиѣ-

¹⁾ Такое толкованіе свидѣтельства жизнеописанія находитъ подтвержденіе и въ другихъ источникахъ. Такъ протоколъ объ избраніи Григорія VII называетъ его „съ отрочества воспитаннымъ въ лонѣ римской церкви“ (R. I № 1, p. 10), тогда какъ Ордерику Виталіи считаетъ его „а *patero monachus*“ (*Historia ecclesiastica Pars. II Lib. IV, c. 17, p. 346*). Ср. *Hugonis Flav. Lib. II, p. 422*: „*ab ineunte aetate ecclesiasticis mancipatus officii*“.

²⁾ *Petri Damiani. Op. 16, c. 9, p. 378* и *Op. 42, c. 4, p. 678*.

³⁾ См. Замѣтки по исторіи полемической литературы, стр. 81—87.

⁴⁾ *Danzig, 1891*.

⁵⁾ *Leipzig, 1894, стр. 251—298*.

⁶⁾ *Historisches Jahrbuch, Heft. II, стр. 274—282, 1895 г.*

чаютъ, что изъ свидѣтельства Павла Беррида нельзя усмотрѣть, былъ ли Гильдебрандъ дѣйствительно монахомъ. Но Болландисты же и устраняютъ возникающее недоумѣнiе ссылкой на Брунона, еписк. Сегньи ¹⁾, прямо называющаго Гильдебранда „римскимъ монахомъ“ ²⁾. Какъ видно, однако, и Болландисты не извлекаютъ изъ „Жизнеописанiя Григорiя VII“ тѣхъ цѣнныхъ выводовъ, какiя вытекаютъ при сопоставленiи его показанiй съ монастырскими уставами, обрѣкшими Гильдебранда на монашество съ ранняго дѣтства.

Уже въ эту пору своей жизни Гильдебрандъ привлекаетъ къ себѣ общее вниманiе: его жизнеописатель сообщаетъ рядъ предзнаменованiй будущаго величiя и, между прочимъ, говоритъ, что у малютки Гильдебранда изъ одеждъ сыпались искры, впервые замѣченныя клювийскимъ аббатомъ, который и предрекъ: „отрокъ сей великъ будетъ передъ Богомъ“ ³⁾. Это сообщенiе можно было бы отнести къ числу благочестивыхъ легендъ, если бы оно не находило себѣ полного подкрѣпленiя въ свидѣтельствѣ современника и врага Григорiя VII, кардинала Бенона, который утверждаетъ, что Гильдебрандъ, „когда хотѣлъ, потрясалъ своими рукавами и изъ нихъ выскакивалъ огонь на подобiе искръ“ ⁴⁾. Да и Венрихъ Трирскiй, также противникъ Гильдебранда, признаетъ, что „отрочество его прошло не безъ предзнаменованiй будущей извѣстности“ ⁵⁾. Слѣдовательно, нѣтъ основанiй заподозрить самый фактъ, засвидѣтельствованный и почитателемъ и порицателемъ великаго папы, тѣмъ болѣе что у первыхъ людей замѣчаются подобныя явленiя. Само собою понятно, что средневѣковье, всюду и вездѣ усматривающее чудеса и знаменья, должно было истолковывать по своему такую особенность ребенка. И вотъ Павелъ, повиданному, и Венрихъ, думаютъ, что провидѣнiе отмѣтило такимъ образомъ своего избранника, тогда какъ Бенонъ склоненъ видѣть тутъ „козни дьявола, принимаемыя простаками за признакъ святости“. Конечно, въ обители, глубоко проникнутой вѣрою, въ предзнаменованiя, Гильдебрандъ долженъ былъ занять особое положенiе отрока, отмѣченнаго явно перстомъ Божьимъ. Но еще сильнѣе эта особенность и отношенiе къ ней окружающихъ должны были повлiять на

¹⁾ *Brunonis episcopi Signini, Libellus de symoniacis*, с. 2, р. 547.

²⁾ § III, с. 19 *De monachatu S. Gregorii VII*, р. 213—214.

³⁾ *Pauli*, с. 2, р. 475.

⁴⁾ *Benoni*, II с. 6, р. 377.

⁵⁾ *Wenrici*, с. 1, р. 285.

самаго Гильдебранда: онъ съ полнымъ правомъ долженъ былъ смотрѣть на себя, какъ на орудіе, предназначенное для высшихъ цѣлей, и проникнуться мистическимъ сознаніемъ своей исключительности, своего общенія съ невидимымъ міромъ. Вотъ почему онъ и совершалъ „чудеса“, о которыхъ говорятъ единогласно современники, вотъ почему онъ обыкновенно искалъ указаній свыше, пробовалъ пророчествовать, отдавался теченію событій, отказываясь отъ собственной воли, уступая „насилію“ и „принужденію“ свыше, которымъ онъ отводитъ такую видную роль въ своей жизни. Усматривая предзнаменованіе грядущаго величія, и Гильдебрандъ и его окружающіе бессознательно содѣйствовали исполненію своихъ упованій, такъ какъ создавали особое настроеніе и особыя отношенія, выдѣлявшія малютку изъ круга его сверстниковъ: Григорій VII прямо говоритъ объ „исключительномъ къ нему расположеніи апостола Петра“ („singulari quadam pietate“), „съ дѣтства его взлелѣявшаго“¹⁾). Итакъ, съ ранней поры своей жизни Гильдебрандъ привыкъ видѣть въ себѣ избранника небесъ, любимица св. Петра. Отсюда вытекаетъ и его глубокое благоговѣніе передъ княземъ апостоловъ, усиливается тѣмъ особымъ почитаніемъ св. Петра, которое было присуще ключіицамъ и обителямъ, принявшимъ ихъ „обычай“. Въ монастырѣ же Приснодѣвы Маріи должны были залечь въ душу Гильдебранда сѣмена того преклоненія передъ Богородицей, которое такъ отличало великаго папу²⁾).

Правда, Мартенсъ считаетъ необходимымъ отбросить показаніе Павла Бернрида о пребываніи Гильдебранда въ авентинской обители, потому что „самъ папа молчитъ объ этомъ“³⁾. „Молчаніе“ же Григорія пѣмецкій изслѣдователь основываетъ на совершенно произвольномъ отождествленіи „palatium“, о которомъ говоритъ папа⁴⁾ съ Латеранскимъ дворцомъ⁵⁾, на утвержденіи, что „domus Petri“ обозначаетъ только Латеранъ⁶⁾. Какъ извѣстно, авентинскій монастырь былъ помѣщенъ во дворцѣ Альберика. Памятникъ прямо говоритъ о *palacium antiquum, quod est in monte Aventino*⁷⁾. Необходимо также

¹⁾ R. I, № 39, p. 58.

²⁾ *Pauli*, c. 23, p. 482; c. 32 p. 488; c. 33 p. 488; c. 107 p. 538; R. I № 47 p. 67—68; № 50 p. 71; R. II № 49 p. 164.

³⁾ „*War Gregor VII Mönch?*“ стр. 40.

⁴⁾ R. III, № 21, p. 237: „*Romano palatio*“.

⁵⁾ „*Sacro palatio*“ R. IV, № 11, p. 256.

⁶⁾ *Martens. B. I*, стр. 7.

⁷⁾ *Gesta episcoporum Cameracensium Lib. I*, c. 114, p. 451.

имѣть въ виду, что для обозначенія Латерана употребляются такія выраженія: „*lateranensi palatio*“¹⁾ „*patriarchio lateranensi*“²⁾ „*lateranense palatium*“³⁾), то-есть къ слову *palatium* обыкновенно присоединяется точное опредѣленіе. Слѣдовательно, нельзя подъ „*Romanum palatium*“ понимать непременно Латеранъ, тѣмъ болѣе, что это выраженіе вполне примѣнимо и къ монастырю св. Маріи, который также будетъ „*domus Petri*“, потому что св. Петръ былъ патрономъ کلунійцевъ. Въ пользу достовѣрности извѣстія Бернрида говоритъ и слѣдующее обстоятельство: کلунійцы въ своихъ обителяхъ заводили обыкновенно школы, куда и поступали дѣти различнаго званія для полученія религіознаго воспитанія. Григорій самъ говоритъ, что его товарищами по школѣ были Альберикъ и Цинтій, римскіе вельможи⁴⁾). О первомъ изъ нихъ не сохранилось свѣдѣній, тогда какъ второй является типичнымъ представителемъ увлеченія аскетизмомъ: онъ будучи городскимъ префектомъ больше заботился о проповѣдяхъ и молитвахъ, чѣмъ о выполненіи своихъ судебныхъ обязанностей, за что навлекъ на себя замѣчанія Петра Даміани⁵⁾). Строгий аскетизмъ присущъ и Гильдебранду, о которомъ даже его противникъ говоритъ: „точно соблюдая посты, поглощенный молитвами и преданный чтенію, онъ сдѣлалъ тѣло свое храмомъ христовымъ: онъ жаждалъ сна и отвергалъ покой; онъ имѣлъ въ изобиліи изысканнѣйшія яства и радостно переносилъ голодъ; онъ могъ достать все по мановенію руки и терпѣлъ жажду и другія тѣлесныя невзгоды; въ то время какъ всѣ занимались мірскими дѣлами и стремились къ стяжанію и мірскимъ утѣхамъ, онъ, превосходя всѣхъ душевною доблестью, считалъ эту жизнь странствіемъ, а не отечествомъ. Кромѣ того онъ получилъ отъ Бога такой „даръ слезъ“, что, какъ мы узнали самолично, совершая ежедневно мессу и не пропуская ни единого дня безъ вознесенія жертвы тѣла и крови господней, онъ все время служенія изливался въ плачъ и слезахъ и такимъ образомъ приносилъ Господу двойную жертву“. „Онъ вкушалъ пищу лишь разъ въ день и постился до вечера. Столъ папы украшали драгоцѣннѣйшія блюда, наполненныя вкусною пищею: онъ изобиловалъ оленями, козами, зайчиками, каба-

¹⁾ Vita Leonis IX, p. 168.

²⁾ Annales Romani, p. 217.

³⁾ De Albino et Rufino, c. 2, p. 426; Orthodoxa Defensio imperialis c. 4, p. 587f

⁴⁾ R. III, № 21, p. 237.

⁵⁾ Ep. Lib. VIII, № 1 и 2, p. 461—466.

нами, всякаго рода дикими и домашними птицами, какъ требуетъ апостольское достоинство. Среди же столькихъ утонченныхъ кушаній Григорій одинъ довольствовался полевыми травами, горохомъ и нарѣзными овощами, тогда какъ другіе пировали за его столомъ¹⁾. Такъ онъ всю жизнь придерживался строгихъ предписаній „клюдійскихъ обычаевъ“²⁾. Борьба съ плотью, исполненіе требованій устава, покорность старшимъ—вотъ были главныя цѣли, преслѣдуемыя воспитателями монастырскихъ отроковъ. Занятія „паукой“ стояли на второмъ планѣ; ежедневное чтеніе житій мучениковъ развивало готовность идти по ихъ стопамъ, вступить въ борьбу съ царящимъ въ мірѣ зломъ. У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для воспроизведенія хода преподаванія въ клудійскихъ школахъ, хотя можно установить точно, что языческіе авторы не были въ почетѣ, тогда какъ творенія отцовъ, въ особенности Григорія Великаго, изучались съ значительнымъ усердіемъ³⁾. Гильдебрандъ также обнаруживаетъ хорошее знакомство съ твореніями великаго папы, но не ссылается ни на одного изъ античныхъ писателей. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать воздѣйствія на него классической древности: она вліяла во-первыхъ совершенно непосредственно; съ высоты авентинскаго холма „молодой монахъ“ созерцалъ рядъ памятниковъ минувшаго величія, краснорѣчивѣе сотни книгъ говорившихъ о былой славѣ и страшномъ упадкѣ: въ Римѣ того времени сохранялось множество зданій, монументовъ, статуй эпохи міродержанія вѣчнаго города. Мало того, у Гильдебранда былъ и руководитель, способный научить его нѣмому языку остатковъ древности — епископъ Амальфи, Лаврентій, человекъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный и выдающійся. Бенедиктинскій монахъ, получившій санъ архіепископа Амальфи, онъ былъ прогнанъ изъ своего епархіальнаго города и жилъ въ Римѣ у Іоанна Граціана, впоследствии папы Григорія VI⁴⁾. Лаврентій слылъ за ученика знаменитаго папы Герберта, „научившаго его чародѣйству, гаданіямъ, даже пониманію языка птицъ“, въ силу чего онъ „предсказывалъ и зналъ все, что происходитъ въ разныхъ концахъ земли“⁵⁾. Подоб-

¹⁾ *Widonis Ferrariensis* Lib. I, c. 2 p., 534—5.

²⁾ *Sp. Consuetudo cluniacensis* Lib. III, стр. 8 p. 744.

³⁾ См. напримѣръ, *Sackur*, *Die Cluniacenser in ihrer kirchlichen und allgemeinen geschichtlichen Wirksamkeit*. B. II, стр. 327—368. *Pfister*, *Etudes sur le règne de Robert le Pieux* стр. 1—40.

⁴⁾ *Benonis* II, c. 3, p. 377.

⁵⁾ *Benonis* c. 3, p. 376.

ные отзывы показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ недюжинною личностью, цѣлою головою превосходившею своихъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ современниковъ, прибѣгавшихъ къ „кознямъ дьявола“ всякій разъ, когда сталкивались съ явленіями, выходящими за предѣлы ихъ ограниченнаго кругозора. Болѣе безпристрастный источникъ, наоборотъ, называетъ Лаврентія „мужемъ во всѣхъ отношеніяхъ святѣйшимъ, говорившимъ чрезвычайно краснорѣчиво о писаніяхъ на обохъ языкахъ, латинскомъ и греческомъ, ближайшимъ другомъ св. аббата клюнійскаго Одилона“¹⁾. Вліянію Лаврентія Бенонъ приписываетъ „волшебство“ Гильдебранда²⁾, на которомъ настаиваютъ и другіе источники: такъ Петръ Крассъ, ярый сторонникъ Генриха IV, утверждаетъ, что „Гильдебрандъ долго изучалъ некромантію“³⁾; то же обвиненіе повторяетъ бриксенскій соборъ⁴⁾, тогда какъ Венцонъ Альбскій упрекаетъ своего заклятаго врага въ знаніи „магическаго искусства“⁵⁾. Несомнѣнно, что разказы о чудесахъ и видѣніяхъ Гильдебранда, ходившіе еще при его жизни, способствовали закрѣпленію такого возрѣнія во враждебныхъ ему кругахъ⁶⁾ до такой степени, что памятникъ XIII вѣка отсылаетъ Григорія въ Толедо для „изученія искусства некромантіи“⁷⁾. Современный изслѣдователь, отрицая магію и некромантію, долженъ считаться съ твердо вѣрой средневѣковья въ эти „тайныя искусства“, такъ какъ глубоко укоренившіеся предрасудки оказываютъ, несмотря на всю свою несостоятельность, значительное вліяніе на теченіе событій. Вотъ почему самая близость къ Лаврентію епископу Амальфи, еще болѣе закрѣпляла за Гильдебрандомъ исключительное положеніе и давала ему возможность управлять слабыми умами по своему усмотрѣнію. Но ученикъ Герберта не только содѣйствовалъ упроченію за Григоріемъ славы чловѣка, имѣющаго общеніе съ невидимымъ міромъ, но и оставилъ глубокіе слѣды въ его убѣжденіяхъ и взглядахъ. Только принимая во вниманіе воздѣйствіе Лаврентія можно объяснить пристрастіе къ республиканскимъ учрежденіямъ Венеціи, „со-

¹⁾ Vita Odilonis Lib. I, c. 14, p. 909.

²⁾ Lib. II c. 6, p. 377, ср. Lib. I c. 9, p. 373.

³⁾ Petri Crassi, c. 7, p. 451.

⁴⁾ Cod. Ud. № 64, p. 135.

⁵⁾ Bensonis Lib. VI, c. 4, p. 661.

⁶⁾ Wearici c. 2, p. 287.

⁷⁾ Gesta episcoporum Halberstadiensium, p. 98.

храненнымъ отъ древняго римскаго корня“¹⁾, о которомъ не разъ говорятъ Гильдебрандъ. Затѣмъ, широкая терпимость Герберта, „учителя епископа Амальфи“, сказывается въ отношеніяхъ Григорія VII къ мусульманамъ, евреямъ, греческой церкви и ереси Беренгара. Разказы Лаврентія о быломъ величїи Рима, о попыткѣ Оттона III рука объ руку съ папой возстановить его міродержавіе западали глубоко въ душу Гильдебранда, котораго и считали впоследствии возобновителемъ міровой власти вѣчнаго города²⁾. Сближеніе съ Лаврентіемъ имѣло еще одно важное послѣдствіе: оно приблизило молодаго монаха къ тѣмъ кругамъ, въ которыхъ вращался епископъ Амальфи: его наиболѣе близкими людьми были папа Бенедиктъ IX и Іоаннъ Граціанъ.

Бенедиктъ IX вступилъ на папскій престолъ путемъ подкупа продажныхъ римлянъ всего 10 — 12 лѣтнимъ мальчикомъ³⁾ и уже въ силу своей молодости мало подходилъ къ отвѣтственному посту духовнаго руководителя всего христіанскаго запада. Современники прямо говорятъ, что онъ былъ „недостойнъ такого сана ни по своимъ правамъ, ни по своимъ поступкамъ“⁴⁾. Дезидерій страшится разказать, „какъ грязна, отвратительна и постыдна была его жизнь по достиженіи первосвященства: онъ былъ благословеннымъ только по имени, а не на дѣлѣ; занимался грабежемъ, не останавливался передъ убійствами и другими позорными дѣяніями“⁵⁾. Онъ особенно увлекался женскою красотой и на его совѣсти лежало множество прелюбодѣяній⁶⁾. Даже спустя много лѣтъ послѣ его смерти невѣжественная чернь говорила о немъ какъ о чародѣѣ, заставлявшемъ силою своихъ заклинаній бѣгать за собой женщинъ по лѣсамъ и горамъ⁷⁾. Конечно, такой человекъ вносилъ свѣтскую струю въ жилище своего „крестнаго“—Іоанна Граціана⁸⁾. Занятый своими похождениями папа открывалъ просторъ для другихъ: всѣми дѣлами управляли Лаврентій Амальфи, скриптарій (archiscrivius) Сергій, братъ Бенедикта Гри-

¹⁾ R. IV, № 27, p. 282, ср. R. II, № 39, p. 152 и R. VIII, № 81, p. 482.

²⁾ См. стихотвореніе Альфана: *Giesebrecht, De litterarum studiis apud Italos* p. 42—43.

³⁾ *Rodulfi Glabri* Lib. IV c. 5 p. 679; Lib. V c. 5 p. 698.

⁴⁾ *Herimani* p. 121.

⁵⁾ *Desiderii, Dialogi* Lib. III praef. p. 1008.

⁶⁾ *Bonithonis* Lib. V p. 628.

⁷⁾ *Benonis* Lib. II c. 4 p. 376.

⁸⁾ *Catalogus* p. 70.

горій „присвоившій себѣ санъ патриція“ и „вицепапа“ архидіаконъ Бенедиктъ ¹⁾). Іоаннъ же Граціанъ занималъ важный постъ „архипресвитера“ ²⁾, слѣдовательно также принадлежалъ къ числу наиболее близкихъ къ папѣ и вліятельныхъ лицъ. Вотъ почему личные недостатки Бенедикта IX не отражались на теченіи дѣлъ; его буллы говорятъ въ обычныхъ выраженіяхъ о правахъ и обязанностяхъ папы ³⁾, защищаютъ неприкосновенность церковныхъ имуществъ и даютъ льготы и преимущества монастырямъ ⁴⁾, ратуютъ противъ угнетенія церкви и симоніи ⁵⁾, грозятъ отлученіями ⁶⁾, презираютъ земныя утѣхи и вздыхаютъ о небесномъ отечествѣ ⁷⁾, отстаиваютъ свободное избраніе ⁸⁾, выдвигаютъ апостольскій престолъ какъ прибѣжище всѣхъ церковниковъ ⁹⁾, словомъ, по содержанію и выраженіямъ не отличаются отъ документовъ подобнаго рода. Итакъ „развратникъ“ папа не является противникомъ церковныхъ преобразованій и его распоряженія показываютъ готовность бороться съ современными нестройностями. Но въ дѣятельности Бенедикта проскальзываютъ и очень характерныя для него черты. Принадлежа къ римской знати и овладѣвъ престоломъ св. Петра какъ бы по „наслѣдственному праву“, молодой папа, при всемъ своемъ безсиліи сравнительно съ мощью германскихъ императоровъ, пользуется случаемъ, чтобы поддержать движенія, направленные къ умаленію нѣмецкаго преобладанія. Наиболее крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи является новый пересмотръ и рѣшеніе дѣла градскаго архіепископа ¹⁰⁾. Подъ давленіемъ Конрада II папа Іоаннъ XIX былъ вынужденъ подтвердить „противорѣчащія праву и правдѣ“ притязанія аквилейскаго патріарха на Градо и Венецію ¹¹⁾,

¹⁾ Вліаніе Лаврентія засвидѣтельствовано Бенономъ Lib. II с. 4 р. 376; с. 7 р. 377. О Григоріи говоритъ Бонитонъ Lib. V р. 625. Архидіаконъ Бенедиктъ „vicedominus“ выступаетъ на буллахъ Бенедикта Mansi XIX р. 610 и 608. Сергіи былъ нотаріемъ Латеранскаго дворца и его рукой написаны буллы Бенедикта Laffe р. 519.

²⁾ Mansi XIX р. 608—610.

³⁾ № 1 р. 1346; № 2 р. 1346; № 3 р. 1347; № 4 р. 1358; № 5 р. 1359; № 7 р. 1363. *Migne T.* 141.

⁴⁾ № I р. 1348 сл. № II р. 1346 сл.; № III р. 1347 сл. № IV р. 1357 сл.

⁵⁾ № IV р. 1358 и № VII р. 1363.

⁶⁾ № I р. 1346, № II р. 1347, № 4 р. 1358.

⁷⁾ № 6 р. 1361.

⁸⁾ № I р. 1345; № IV р. 1358.

⁹⁾ № 5 р. 1359.

¹⁰⁾ № VII р. 1362—1367.

¹¹⁾ Mansi XIX р. 479—480.

другими словами отдать италіанцевъ и славянъ въ духовную зависимость отъ нѣмцевъ. И вотъ „мальчикъ, еще меньше чѣмъ его предшественники могущій претендовать на какую бы то ни было самостоятельность по отношенію къ императору“ ¹⁾, выступаетъ, однако, въ защиту поправныхъ привилегій своихъ предшественниковъ. Онъ прямо называетъ поведеніе Попоа Аквилейскаго „отвратительнымъ беззаконіемъ (detestabile nefas), внушеннымъ діаволомъ (suadente diabolo)“, полученную Аквилею „попреки божественному праву и рѣшеніямъ св. отцовъ“ привилегію „добытою путемъ обмана“, а потому и объявляетъ ее на соборѣ 1044 г. недействительною ²⁾, возстановляя самостоятельность Градо по личному ходатайству градскаго архіепископа, „герцога Венеціанцевъ или Далматійцевъ“ и „народа Венеціанскаго“. Вотъ почему Григорій VII могъ говорить Венеціанцамъ, что „ab ineunte aetate“ возлюбилъ ихъ страну и ихъ свободу ³⁾. Бенедиктъ не только поддержалъ славянъ Адриатическихъ, но и протянулъ руку помощи чехамъ и полякамъ: первымъ онъ оставилъ похищенные ими мощи св. Адальберта, вторыхъ подчинилъ собственному архіепископу въ Краковѣ ⁴⁾. Тѣ же черты покровительства стремленіямъ славянъ къ духовной независимости отъ германской церкви замѣчаются и у Григорія VII.

Наконецъ, Бенонъ сообщаетъ чрезвычайно любопытный для характеристики отношеній Бенедикта къ Германіи фактъ: папа, по совѣщаніи съ Лаврентіемъ и другими своими приближенными, пытается послѣ смерти императора Конрада лишить его сына наследственнаго преемства императорскаго сана и посылаетъ корону римской имперіи Петру, королю Венгерскому ⁵⁾. Нѣмецкіе изслѣдователи ⁶⁾ отвергаютъ это извѣстіе, какъ стоящее одинокое и связанное съ противорѣчащими другимъ, достовѣрнымъ источникамъ подробностями о роли герцога Готфрида въ венгерскомъ походѣ. Но такой достовѣрный памятникъ, какъ Алтайхская лѣтопись, говоритъ, что Бенедиктъ подвергъ отлученію возставшихъ противъ Петра вельможъ ⁷⁾. Слѣдовательно, между куріей и венгерскимъ королемъ существовали дружественныя отно-

¹⁾ *Кн. Ю. Трубецкой* стр. 480.

²⁾ P. 1363—1364.

³⁾ R. II № 39 p. 152.

⁴⁾ *Cosmae Pragensis Lib. II c. 6 и 7 p. 71. Iaffe № 4119a p. 523.*

⁵⁾ *Venonis Lib. II c. 7 p. 377—378.*

⁶⁾ *Steindorff B. I p. 477 и Schnitzer p. 53.*

⁷⁾ *Annales Altahenses an 1044 p. 800.*

шенія. Затѣмъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что папа подобно многимъ своимъ предшественникамъ и преемникамъ, предпочелъ имѣть въ императорѣ не дѣйствительнаго повелителя, а созданіе собственныхъ рукъ, Поведеніе послѣднихъ нѣмецкихъ цезарей ясно указывало, что „наслѣдственнымъ правамъ“ рода Бенедикта грозила съ Сѣвера постоянная опасность. Власть нѣмцевъ никогда не была популярна въ вѣчномъ городѣ и попытка стряхнуть ихъ иго вполне естественна для потомка римскихъ бароновъ. Да и теоретики папскаго преобладанія несочувственно смотрѣли на наслѣдственность императорскаго титула, умаляющую приложеніе права апостольскаго престола распоряжаться императорскимъ вѣнцомъ по своему усмотрѣнію. Вотъ почему, отрицая полную достовѣрность всѣхъ подробностей разказа Бенона, нельзя отвергать въ немъ зерна истины, показателя отношеній италянцевъ къ владычеству „нѣмецкихъ варваровъ“. Такимъ образомъ, уже въ юные годы Гильдебрандъ сталкивался съ проявленіями отвращенія къ господству чужеземцевъ на священной почвѣ вѣчнаго города, знакомился съ притязаніями двухъ великихъ соперниковъ, папства и имперіи: робкіе шаги Бенедикта указывали ему путь, по которому онъ и пошелъ впоследствии. Любопытно также отмѣтить, что Гильдебрандъ, сблизившійся въ монастырской школѣ съ многими отпрысками римскаго дворянства ¹⁾, пользовался поддержкой тѣхъ самыхъ транстиберинцевъ, которые выступали какъ вѣрные сторонники Бенедикта IX ²⁾.

Что же касается Іоанна Граціала, то это была полнѣйшая противоположность Бенедикту IX: онъ былъ дѣвственникомъ, велъ строгую подвижническую жизнь и славился своею набожностью среди распущеннаго римскаго клира ³⁾. Эти качества стяжали ему огромную извѣстность въ вѣчномъ городѣ и сдѣлались для него источникомъ богатства, такъ какъ богомольцы смотрѣли на него какъ на человѣка богоугоднаго, считали и молитву его болѣе дѣйствительною. Іоаннъ копилъ получаемыя отъ нихъ деньги, собираясь употребить ихъ на починку церквей или какую-либо другую потребность ⁴⁾, „новую и важную для Рима“. Будучи близокъ къ Бенедикту, какъ его крестный отецъ, и къ Лаврентію, какъ человѣкъ пріютившій его подъ

¹⁾ R. III. № 21 p. 237.

²⁾ Ср. напримѣръ *Annales Romani* p. 72 и *Bonithonis Lib. II* c. 8 p. 615 сл.

³⁾ *Bonithonis Lib. VI* p. 628; *Desiderii Lib. III* p. 1004.

• ⁴⁾ *Bonithonis Lib. V* p. 628.

своимъ кровомъ, Іоаннъ жилъ совершенно другими интересами. Его считали „глупцомъ и мужемъ удивительной простоты“¹⁾ и дѣйствительно онъ не отличался умѣньемъ всесторонне обдумывать свое поведеніе; ему была присуща какая то трогательная наивность, свойственная людямъ, не покрытымъ житейскою грязью. Не умъ, а нравственная чистота была отличительною его чертой. Гильдебрандъ отзывался о немъ внослѣдствіи съ полнымъ уваженіемъ²⁾ и принялъ ния Григорія въ честь своего наставника, укрѣпившаго въ его душѣ стремленіе къ аскетическимъ подвигамъ: вліяніе Граціана служило противовѣсомъ соблазнительному примѣру Бенедикта и было необходимо для образованія Григорія VII, такъ какъ Гильдебранду не всегда улыбалась мысль о монастырской тиши и онъ съ отрочества обнаруживалъ пристрастіе къ военному дѣлу³⁾. Стало быть, „молодой монахъ“ подвергался самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, имѣлъ дѣло съ людьми совершенно различныхъ убѣжденій и воззрѣній. Впечатлѣнія же первыхъ лѣтъ сознательной жизни ложатся неизгладимыми чертами на воспримчивую душу отрока и противорѣчія природы Гильдебранда находятъ себѣ объясненіе въ той обстановкѣ, среди которой слагался его характеръ и выработывались его стремленія. Самый Римъ долженъ былъ оказать также могущественное хотя и двойственное вліяніе на человѣка, выросавшаго въ его стѣнахъ: гдѣ ярче выступали тлѣнь и суета земнаго величія, какъ не при созерцаніи великолѣпныхъ памятниковъ, созданныхъ, казалось, для вѣчности и превращающихся въ жалкія груды развалинъ? гдѣ сильнѣе долженъ былъ звучать голосъ воспоминаній о державномъ призваніи вѣчнаго города, какъ не тамъ, гдѣ каждый камень краснорѣчиво говорилъ о вѣкахъ владычества надъ міромъ? Гдѣ скорѣе всего должны были войти въ плоть и кровь высокія представленія о божественномъ призваніи папства, какъ не у гроба Апостоловъ, привлекающаго богомольцевъ со всѣхъ концовъ земли для поклоненія святынямъ города, каждая пядь котораго была обагрена и освящена кровью мучениковъ? Гдѣ болѣе возвышенный идеалъ сталкивался съ болѣе жалкою дѣйствительностью какъ не въ святомъ мѣстѣ, переполненномъ ворами, грабителями, развратниками и всевозможными нечестивцами?

¹⁾ *Bonithonis* Lib. V p. 628.

²⁾ R. VII № 14a p. 401.

³⁾ *Widonis* Ferrariensis Lib. II p. 554, ср. Lib. I с. II p. 534; *Wenrici* с. 2 p. 286—287; *Walrami* Lib. II с. 2 p. 42; *Bensonis* Lib. III с. 10 p. 626.

Повидимому отрицательная сторона римскихъ впечатлѣній сдѣлалась замѣтною Гильдебранду и онъ поспѣшилъ покинуть вѣчный городъ съ его соблазнами и съ его противорѣчіями, столь тягостными для всякаго чуткаго человѣка. По крайней мѣрѣ, Павелъ Бернридь говоритъ, что его герой, „войдя въ возрастъ, отправился во Францію, намѣреваясь укротить тамъ своеволие плоти монашескими трудами и настойчивыми занятіями науками“ ¹⁾. Огромное большинство новѣйшихъ изслѣдователей отвергаетъ это извѣстіе, тогда какъ Болландисты ²⁾, Фойгтъ ³⁾ и Бришаръ ⁴⁾ подѣ „Франціей“ разумѣютъ знаменитое Клувни. Въ данномъ случаѣ изслѣдователь наталкивается на чрезвычайно трудный и запутанный вопросъ, для разрѣшенія котораго необходимо по возможности освѣтить обстоятельно разрозненныя и отрывочныя показанія источниковъ о выходѣ Гильдебранда изъ обители пресвятой Маріи.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что Павелъ Бернридь тщательно собиралъ все доступныя ему данныя о жизни Григорія VII, придавая, правда, имъ своеобразную окраску, но не вымышляя подробностей. Слѣдовательно, нѣтъ основаній отбрасывать его свидѣтельство, но нѣтъ основаній и толковать неопредѣленное указаніе „Франція“ въ смыслѣ Клувни, находящагося въ Бургундіи. Подобное произвольное отождествленіе только вредитъ дѣлу, такъ какъ подѣ „Франціей“ въ XII вѣкѣ понимали и владѣнія капетинговъ и Франконію и прирейнскую Германію ⁵⁾. Если привлечь къ дѣлу другія свидѣтельства, то окажется, что Павелъ Бернридь имѣлъ право сдѣлать такое растяжимое и широкое обозначеніе. Современникъ Григорія VII, трирскій схоластикъ Венрихъ ⁶⁾, даетъ рядъ очень цѣнныхъ свѣдѣній о молодыхъ годахъ Гильдебранда, сообщая, между прочимъ, что „въ Италіи, Германіи и Галліи осталось мало городовъ, гдѣ бы онъ не побывалъ, мало князей, которыхъ онъ не привѣтствовалъ“. Въ письмахъ самого Григорія имѣются указанія на его болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ Кельнѣ: онъ пишетъ Аннону Кельнскому, что „во времена предшественника“ послѣдняго (1036 — 1056) былъ

¹⁾ *Pauli* с. 10 p. 477—478.

²⁾ § III с. 20 p. 214—5.

³⁾ Hildebrand als Papst Gregorius VII p. 4. *Gfregerep* B. VI p. 497.

⁴⁾ *Wetser und Wette's Kirchenlexikon* p. 1104.

⁵⁾ *Ducange* T. IV p. 590—591.

⁶⁾ Замѣтки по исторіи политической литературы стр. 81—87.

здѣсь „вскормленъ въ дисциплинѣ“¹⁾), а потому относится къ кельн-ской церкви съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ какой либо другой изъ западныхъ церквей. „Правда, Григорій не опредѣляетъ точно времени, но выраженіе „*spiritus in disciplina*“ примѣнно скорѣе къ молодымъ годамъ его жизни и какъ нельзя болѣе соответствуетъ тѣмъ побужденіямъ, которыя, по Павлу Бернриду, заставили Гильдебранда направиться во „Францію“. Затѣмъ, Петръ Даміани передаетъ со словъ Гильдебранда, что онъ „видѣлся и находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ двумя иноками Ахенскаго монастыря, Мартиномъ и Романомъ“. Сообщаемыя Гильдебрандомъ свѣдѣнія объ искушеніяхъ дьяволомъ Мартина и крутыхъ мѣрахъ, принятыхъ Романомъ, успѣвшимъ занять постъ аббата („*foree cellulae violenter irrupens dignis indiscretum fratrem verberibus castigavit*“) носятъ характеръ разказа очевидца, а потому надо полагать, что онъ пробылъ въ Ахенѣ довольно долго, чтобъ войти въ дружбу съ монахами и сдѣлаться свидѣтелемъ всего имъ разказаннаго²⁾). Ни сопровождая папу Григорія VI, ни посѣщая Германію какъ легатъ, Гильдебрандъ не имѣлъ возможности свободно располагать своимъ временемъ, тогда какъ общеніе съ иноками, извѣстными своимъ подвижничествомъ, входило въ цѣль предпринимаемаго имъ путешествія, о которомъ говоритъ Бернридъ. Въ пользу его свидѣтельства говорятъ также отношенія, установившіяся между императоромъ Генрихомъ III и его супругой Агнессой съ одной стороны и Гильдебрандомъ съ другой. Конечно, за отсутствіемъ подробныхъ и точныхъ показаній, придется прибѣгать къ намекамъ самого пана и даннымъ болѣе позднихъ источниковъ. Но ихъ совокупность поддерживаетъ извѣстіе Бернрида. Такъ Григорій пишетъ сестрѣ Генриха IV, что „расположенъ къ ней искренно и отъ глубины сердца, между прочимъ, потому, что славнѣйшій императоръ Генрихъ, ея отецъ и мать ея Агнесса оказывали ему почетъ сообразно своему величію и отличали его своимъ расположеніемъ изъ среды остальныхъ сыновъ св. римской церкви съ *того времени какъ узнали его*“³⁾). Въ другомъ писемѣ Григорій говоритъ, что „императоръ Генрихъ, достохвальной памяти, *при дворѣ своемъ изъ всѣхъ итальянцевъ оказывалъ ему исключительный почетъ*“⁴⁾). Обыкновенно

¹⁾ R. I, № 79, p. 99.

²⁾ *Petri Damiani Op.* 47 c. 3 p. 713.

³⁾ „*Ex quo me cognoverunt*“ R. II. № 44, p. 157.

⁴⁾ R. I, № 19, p. 83.

венно думаютъ, что первая встрѣча могущественнаго императора и будущаго великаго противника его сына произошла въ Италіи при низложеніи Григорія VI, когда Генрихъ заставилъ Гильдебранда отправиться въ изгнаніе вмѣстѣ съ низложеннымъ папой. Но это мнѣніе стоитъ въ явномъ противорѣчій съ приведенными письмами папы: отправляемый въ ссылку Гильдебрандъ не могъ говорить о почетѣ и расположеніи съ момента знакомства. Стало быть, оно состоялось раньше. И вотъ Павелъ Бернридъ, продолжая описаніе предпринятаго его героемъ путешествія, говоритъ: „Возвращаясь спустя нѣсколько лѣтъ въ Римъ, Гильдебрандъ, по тайному божьему предъуготовленію, пробылъ нѣкоторое время при дворѣ Генриха III, который говорилъ о Гильдебрандѣ, что никогда не слышалъ человѣка, проповѣдующаго слово Божіе съ такою смѣлостью“¹⁾. Преданія о раннемъ пребываніи Гильдебранда при дворѣ могущественнаго императора нашли себѣ приютъ и въ другихъ источникахъ. Такъ *Annalista Saxo*²⁾ и *Annales Palidenses*³⁾ отмѣчаютъ его, раскрашивая баснословными подробностями и хронологическими несообразностями. Несомнѣнно, стало быть, что въ Германіи сохранялись воспоминанія о посѣщеніи молодымъ Гильдебрандомъ императорскаго двора, и въ виду косвеннаго подтвержденія этого факта самимъ папою нѣтъ основаній относиться къ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ съ крайнимъ недоумѣніемъ, хотя слѣдуетъ ограничиться принятіемъ лишь сути извѣстій, но не всѣхъ подробностей, явно недостоверныхъ. Само собою понятно, что близость къ императору не могла остаться безслѣдною для Гильдебранда: его кругозоръ долженъ былъ существенно расшириться отъ пребыванія у самаго корня міровой власти; разнообразныя запросы и способы ихъ рѣшенія развертывались передъ его юными глазами; ему приходилось сталкиваться съ людьми всякаго рода и сознавать, что надо умѣть ладить со всѣми, чтобъ сдѣлать всѣхъ орудіями для достиженія великой цѣли. Но въ то же время при императорскомъ дворѣ суета земнаго величія, тщетность земныхъ радостей и непрочность мірской мощи выступали съ особенною яркостью; борьба страстей, козни враговъ, ради минутной выгоды, не останавливающихся передъ нарушеніемъ заповѣдей, грозящихъ утратою вѣчнаго блаженства, соблазны грѣшнаго міра, имѣющіе такую притягательную силу въ годы неустановившейся

¹⁾ *Pauli* с. 10, р. 478.

²⁾ р. 702.

³⁾ р. 69.

юности, сказывались тутъ съ особенною силой; множество самыхъ разнообразныхъ искушеній и впечатлѣній должно было нахлынуть на молодую душу Гильдебранда, тѣмъ болѣе что и въ представителѣ высшаго земнаго могущества, императорѣ, и въ средѣ окружающихъ его „сильныхъ міра сего“ какъ идеаль, какъ завѣтная цѣль земнаго существованія, царило самообузданіе и самоотреченіе. Побѣда духа надъ плотью, стремленіе къ закрѣпленію за собой загробныхъ благъ оставались и тутъ, по крайней мѣрѣ теоретически, руководящими началами. Стало быть, раздвоенность, лежащая въ самой основѣ средне-вѣковаго міросозерцанія, выступала въ полной силѣ и должна была властно отразиться на двойственно настроенномъ съ малыхъ лѣтъ Гильдебрандѣ. Чувствуя въ себѣ высокія силы небснаго избранника, онъ жаждалъ дѣятельности, жаждалъ приложенія накопленныхъ свѣдѣній, примѣненія своихъ способностей. Но его наружность находилась въ полномъ несоотвѣтствіи съ богатыми духовными дарованіями: „темный цвѣтъ кожи“, „маленькій ростъ“, „глухой голосъ“ и „безобразный видъ“ дѣлаютъ вполне вѣроятными „насмѣшки“, которыя сыпались на него при императорскомъ дворѣ по словамъ позднѣйшаго источника ¹⁾: притязанія на роль орудія божественнаго промысла при такой неприглядной внѣшности очень легко вызываютъ смѣхъ поверхностной толпы. Даже въ Римѣ, куда направился Гильдебрандъ послѣ кратковременнаго пребыванія при дворѣ Генриха III, онъ встрѣтилъ недружелюбное отношеніе къ своему стремленію „удвоить полученные отъ Бога таланты“. Присущая молодости самонадѣянность и самоувѣренность, подогрѣваемая почетомъ, оказаннымъ императоромъ, и явными проявленіями божественныхъ милостей, возбуждали неприязнь и зависть. Въ своемъ „рвеніи къ достиженію совершенства“ онъ натолкнулся на противодѣйствіе и „оправдалъ извѣстное изреченіе, „нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“ ²⁾. Жизнеописаніе говоритъ: что Гильдебрандъ, „не желая давать нищу зависти и ища большій плодъ пріязни“, рѣшилъ опять покинуть вѣчный городъ и направился въ Галлію и Германію ³⁾. Однако новое внѣшательство провидѣнія, сказавшееся въ троекратномъ запрещеніи апостоломъ Петромъ продолжать путь, возвратило будущаго папу „на утѣшеніе римской церкви“. Повидимому, уже въ эту пору въ душѣ Гильдебранда со-

¹⁾ *Annalista Saxo*, p. 702.

²⁾ *Pauli* c. 11, p. 478.

³⁾ *Ibid.*

зрѣваетъ мысль вступить въ борьбу съ царящимъ въ мірѣ зломъ не путемъ пламенной молитвы въ уединенной кельѣ, а путемъ дѣятельнаго вмѣшательства въ текущія событія: „пустъ другіе бѣгутъ лица людей, избѣгаютъ общества женщинъ, уклоняются отъ многочисленныхъ городовъ, удаляются въ пустыни, ищутъ непроходимыя стремнины, вручаютъ себя горнымъ пещерамъ и впадинамъ скалъ, питаются травами, утоляютъ жажду изъ источниковъ, живутъ вмѣстѣ съ звѣрями, Гильдебрандъ, что является большею заслугой, среди мірянъ и сыновъ мрака оказывается вполне достойнымъ преимуществъ исключительной заслуги“¹⁾).

И вотъ Гильдебрандъ „покидаетъ монастырь“²⁾ и, прильнувъ къ Іоанну Граціану“, выступаетъ на историческое поприще, когда послѣдній пріобрѣтаетъ тиару и дѣлаетъ его своимъ „капелланомъ“³⁾).

Этимъ завершается первый наиболѣе темный періодъ въ жизни великаго борца за проведеніе церковно-общественныхъ преобразованій, такъ какъ его послѣдующая судьба тѣсно и неразрывно сплетается съ общимъ ходомъ событий и превратностями, переживаемыми „апостольскимъ престоломъ“.

А. Визингъ.

¹⁾ *Widonis Fer.* Lib. I, c. 2, p. 535.

²⁾ *Benonis* Lib. II, c. 6, p. 377.

³⁾ *Benihonis* Lib. V, p. 630.